

РЕЦЕНЗИИ

Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Изд. Института языкознания АН СССР. — М., 1957.

«Атлас», о котором идет речь, является лишь первой частью большого атласа говоров русского языка. Подробно представить отдельные русские диалектные явления на картах, охватывающих всю территорию данного языка, было бы невозможно, так как такие карты имели бы неудобный для употребления формат. Поэтому насыщенный (плотно населенный) район говоров русского языка в Европе был разделен на 10 частей; столько же будет и отдельных диалектологических атласов. Кроме названного атласа, уже готовы к печати, насколько мне известно, еще три: атлас говоров к югу от Москвы, на запад от Москвы и атлас говоров окрестностей Пскова, Великого Новгорода и Ленинграда.

Рецензируемый «Атлас» охватывает большой прямоугольник территории около 680 км длины и около 370 км ширины. В пространстве этого прямоугольника лежат Москва (на самой западной границе), Рязань, Владимир, Горький, Саранск, Чебоксары.

Вопросник данного «Атласа» является общим и для остальных атласов русских говоров, а также и для подготавливаемого уже атласа белорусских говоров. Следовательно, в будущем путем сопоставления соответствующих карт можно будет наблюдать состояние каждого явления, отмеченного в вопроснике, на территории распространения всех русских и белорусских говоров¹.

«Атлас» состоит из огромного собрания карт (формат 45 × 27 см, не считая легенд) и большого тома объяснений (вступительные статьи и комментарий), занимающих 1101 страницу формата восьмой части листа. Вступительный том включает ряд статей, объясняющих возникновение «Атласа», метод и специфику его составления и, наконец, научные выводы, вытекающие из этого большого труда. Затем следует список населенных пунктов, библиография работ о говорах к востоку от Мос-

квы, наконец, полный вопросник «Атласа». Наибольшую часть вступительного тома (789 стр.) составляют комментарии к картам; эти комментарии значительно уточняют содержание карт.

Рассмотрим теперь вкратце вопросник «Атласа». На первый взгляд он кажется небольшим, так как содержит только 294 вопроса, из которых 67 по фонетике, 50 по морфологии (почти исключительно по словоизменению), 33 по синтаксису и 153 по словарному составу. Однако в действительности вопросник (занимающий 39 стр.) достаточно велик, и опрос по нему должен занять много времени. Это объясняется тем, что вопросы по фонетике, морфологии, а часто и по синтаксису являются сложными. Они имеют много подпунктов, а внутри каждого подпункта много примеров на более частные явления. Так, вопрос 1, касающийся аканья, занимает 16 строчек текста, вопрос 5 (старое *e* в предударном слоге и перед мягкой согласной) — 30 строчек. Так же обстоит дело с вопросами по морфологии. Вопрос 68 (какие окончания имеют род., дат. и предл. падежи ед. числа существительных жеп. рода на -а) занимает 14 строчек. Более краткими являются вопросы по синтаксису, но и они имеют по несколько строчек. По одному абзацу имеют только вопросы по лексике.

Основным стремлением авторов вопросника было отразить в нем все характерные черты фонетической, морфологической и синтаксической системы, отличающие русские говоры от соседних восточнославянских или различающие говоры внутри русского языка. При составлении вопросника, видимо, руководствовались уже ранее полученными данными о таких особенностях.

Вопросник содержит вопросы, касающиеся, видимо, всех важнейших проблем из области фонетики и словоизменения. Однако поражает почти полное отсутствие вопросов по словообразованию. Мало ориентируясь в словообразовании русских говоров, я с трудом могу понять причину такой диспропорции. Кажется, русское словообразование мало дифференцировано географически, однако, с другой стороны, возможно, у авторов «Атласа» период составления вопросника были еще недостаточные сведения о словообразовании. Также относительно мало вопросов и по синтаксису, но это авторы «Атласа» объясняют большей однородностью синтаксиса русских говоров, с одной стороны, и недостаточными сведениями об этом синтаксисе — с другой.

¹ Украинский диалектологический атлас, подготавливаемый в настоящее время в Киеве, имеет особый вопросник, по-видимому, в связи с иной языковой проблематикой на Украине; в известной мере это затруднит сопоставление украинских языковых фактов с русскими и белорусскими.

Безусловно, не помешали бы дополнительные вопросы и по лексике. Причиной их относительно небольшого числа также были слишком ограниченные сведения о лексических различиях в русских говорах, имевшиеся в период составления вопросника. Определенные лексические факты выявляются, правда, в фонетической и морфологической части вопросника, а именно в тех случаях, где речь идет о лексикализованных фонетических и морфологических явлениях. Но тут, собственно, мы имеем дело со словами, которые с точки зрения лексики идентичны на всей территории распространения русского языка (*комар* — *комар'*, *грин* — *грин'*, *плат'* *ит'* — *плат'* *ит'* и т. п.). Лексические вопросы делятся на две группы. В первой группе вопросов речь идет о предмете и выясняется его название. Например: «Как называется крестьянский дом (*изба*, *хата*, *курень*)?». Во второй же группе вопросов за основу берется слово, и вопрос ставится примерно следующим образом: «Существует ли слово *боршино* и что оно обозначает?». Разумеется, и тот и другой тип вопросов необходим для хорошего вопросника.

Сетка населенных пунктов, в которых собирался материал для «Атласа», насчитывает 965 деревень, из которых на карты нанесено 938. Остальные 27 не учтены или в результате слишком большого скопления пунктов в некоторых районах, или по причине недостаточности или ненадежности записанного материала. Для атласа, охватывающего такое большое пространство, сетка очень густа; наибольшая отдавленность двух пунктов друг от друга — в среднем 15 км, а иногда еще меньше. Мало пунктов лишь в районах слабо заселенных и там, где немногочисленные чисто русские села расположены в районе распространения других языков (северо-восток).

Насколько можно судить по перечню, помещенному в томе комментариев, все деревни, выбранные как пункты для «Атласа», являются старыми в том смысле, что они уже были в списках, изданных в 1862—1877 гг. Это очень важно, так как собрание материала в новых деревнях, в которые население прибыло недавно и из разных районов, дало бы совершенно случайный и поэтому не представляющий ценности материал. Но жаль, что не дается даже краткой характеристики каждого пункта. Ведь может встретиться и такая старая деревня, в которую за последнее время прибыло население и из других районов. В таком случае в деревне господствует хаотическое смешение говоров, и материал из этой деревни не может быть использован в «Атласе». Наиболее удачным является положение, когда в деревне, где собирается материал, население живет с очень давних времен. В такой деревне современный диалект, несмотря на влияние литературного языка или соседних диалектов, является действительным продолжением местного диалекта прежних поколений.

К сожалению, в комментариях не говорится о принципах подбора информаторов. Нет сомнения, что информаторами

были только те люди, которые родились в исследуемой деревне. Однако необходимо было бы указать, здесь ли родились и родители информатора. В противном случае может быть записан диалект хотя и местный по своей основе, но часто с сильными примесями другого диалекта. Полная автохтонность информатора часто может быть более важной, чем его возраст.

Собирателями материала были чаще всего студенты высших учебных заведений Москвы и других городов. Наибольшее число пунктов (265) обследовали студенты Московского пединститута им. Потемкина; Московский университет собрал материал из 154 пунктов; 137 пунктов целиком обработали сотрудники Института языкознания АН СССР, которые, кроме того, принимали участие и в экспедициях, организованных другими учебными заведениями Москвы. Остальной материал собрали другие педагогические институты Москвы и городов, расположенных в изучаемых районах.

Большой в сущности вопросник и огромное число географических пунктов, разумеется, требовало большого числа исследователей на местах, поскольку процесс собирания материала не мог происходить бесконечно. Однако, как ясно видно по комментариям к «Атласу», использование для работы студентов, т. е. людей недостаточно квалифицированных, в какой-то степени отрицательно отразилось на качестве собранного материала. От некоторого количества плохо обработанных пунктов пришлось отказаться, да и в пунктах, нанесенных на карту, иногда встречается неполный или недостаточно хорошо записанный материал.

Контрольные поездки, осуществленные квалифицированными сотрудниками Института языкознания, не смогли — как это следует из комментариев — полностью устранить эти недостатки. Впрочем все погрешности реализации программы работы над «Атласом» подробно оговорены на 75—84 страницах тома комментариев.

Я не нашел в томе сведений о методе опроса информаторов. Частным образом я узнал, что в основном записывание материала происходило во время непринужденных бесед. Затем обследователи, оставаясь в исследуемом пункте, разносили собранный материал по соответствующим номерам вопросника. Только после этого недостающий материал собирался путем постановки наводящих вопросов (при этом наблюдатель сам не произносит форму, которая его интересует). Метод записывания при свободной беседе имеет безусловно большое преимущество, так как в такой беседе записывающий меньше всего влияет на язык информатора. О времени, затрачиваемом на записывание материала, я также смог узнать лишь частным образом. Мне сообщили, что оно равнялось 5—7 дням. Этого безусловно достаточно для собирания ответов на все вопросы.

Фонетическая транскрипция, используемая при записях, основана на кирилловском (гражданском) алфавите с добавле-

нием нескольких дополнительных знаков. Эта транскрипция является простой, не вникающей в фонетические детали, но достаточной для обнаружения всех существенных черт изучаемых диалектов.

Сборник карт, т. е. собственно сам «Атлас», насчитывает 279 карт. Первые восемь имеют вспомогательный характер. Эти карты необходимы для действительно научного использования всех карт. Первая из вспомогательных карт показывает территорию говоров к востоку от Москвы, другая — распространение славянских и финских племен X—XI вв. на данной территории, третья — территорию русских феодальных княжеств в XIV и XV вв., пятая — локализацию названий исследуемых деревень, четвертая, седьмая и восьмая — старое и современное адм. деление, шестая — карту Московской диалектологической комиссии 1915 г., в которой говоры рассматриваемой территории делятся на южные, северные и переходные; эта карта дает сведения о плотности населения, русского и нерусского, на территории к востоку от Москвы в начале XX в.

Затем следуют специальные диалектологические карты (241), показывающие распространение различных фонетических, морфологических, синтаксических и лексических явлений. Разумеется, степень подробности этих карт является очень различной. 35 первых карт посвящены различным явлениям, связанным с влиянием динамического ударения на произношение безударных гласных. Тут закартографированы явления очень общие и относящиеся к отдельным словам (например, *о* вместо *a* в словах *боран*, *зобота*, выступающие часто в «окающих» диалектах). Следующие 36 карт относятся главным образом к проблемам консонантизма (произношение *з* или *γ* ≤ *г*, произношение старого *в*, явление цоканья и родственные ему и т. д.). Последующие карты до № 92 посвящены более частным фонетическим чертам, выступающим в отдельных словах (*л* и *р* твердые или мягкие, *и* или *ы*, например, в словах *вишня*, *высокий* и т. д.). Затем идут морфологические карты. До 116-й карты включительно они посвящены различным типам существительных. Меня заинтересовало здесь фонетико-морфологическое явление: переход *x* > *ф* в окончании предложного падежа мн. числа *-ax* (*в домаф*, *на поляф*). Выступает оно полосой на юго-восток от Москвы, а также встречается и на юге, северо-востоке и северо-западе исследуемой территории. Аналогичные формы выступают в горских говорах Южной Польши, но там переход *x* > *ф* имеет всеобщий характер и является результатом слабого произношения *x*. Такого слабого произношения *x*, по-видимому, нет в русских говорах. Морфологическим выравниванием (по отношению к прилагательным) можно, напротив, объяснить родительный падеж мн. числа типа *огурцох*, выступающий на довольно большом пространстве на юге, охватывающем давнюю Мещеру. Следующие карты до № 140 посвящены окончаниям прилагательных и

местоимений. Для польского диалектолога, вероятно, интересным будет окончание *-ex* родительного падежа мн. числа (*моллодэх*, *глыдэх*), напоминающее окончание *-ex* (*dobrex*) в польских северо-восточных говорах, засвидетельствованное там еще в средние века. Карты с № 141 по № 166 демонстрируют явления в глагольных окончаниях; наконец, следуют лексические карты 168—241, дающие часто очень интересные сведения. Среди них находится не столько лексическое, сколько морфологическое и даже синтаксическое явление, а именно — употребление постпозитивного артикля существительных (типа *дом-ом*), засвидетельствованное на всей территории, за исключением крайнего юго-запада.

Языковые факты обозначены на картах исключительно значками (кружочки, треугольники, квадраты). В зависимости от потребности значки могут быть только черными (закрашенными и незакрашенными) или цветными: красными, голубыми и желтыми. Красный цвет обозначает факты, совпадающие с литературным языком или наиболее распространенные. В легенде используется фонетическое написание только там, где оно необходимо.

Связь между картами и вопросами программы не является непосредственной. Так, например, карта № 3 основана на отдельных подпунктах вопросов 3, 4, 5, 6 и 7, карта № 7 — на 6 и 7 вопросах и т. д. Разумеется, это не вызывает возражений: собиране материала и его картографирование — это разные вещи. Хуже то, что ответы на некоторые вопросы не картографировались по причине неполноты или неправильности собранного материала. Если речь идет об отдельных словах, то был еще один повод не картографировать часть материала. Так, только в период работы над «Атласом» было обнаружено, что различные слова, о которых идет речь в вопросе, обозначают различные предметы, встречающиеся или на различных, или на одной и той же территории. Может быть, лучше было бы не отказываться от картографирования и этого материала, хотя я сознаю, что сделать это было бы нелегко. Также не были закартографированы те явления, которые не дифференцировались по всей исследуемой территории. Впрочем сведения об этих явлениях даны в комментариях (стр. 84—88). К подобным явлениям относятся: произношение *о*, *е* (из *ѣ*, *ѥ*) вместо *ы*, *и* в словах типа *моу*, *кроу*, *шея*, *пей*, *бей*; характерное для русского языка отсутствие отвердения *р'* в таких формах, как *рядом*, *сугарь*; отсутствие мягких («шепелявых») *с*, *з*; отсутствие синтаксического оборота «у него пога слованиш» и т. д. Из области лексики, разумеется, не картографировались слова, не встречающиеся на данной территории, а также названия предметов, которые там не употребляются.

Особо следует остановиться на сводных картах, показывающих расположение изоглосс. На каждой карте представлены сходные или в той или иной степени связанные между собой явления. Следует под-

черкнуть, что и сами авторы «Атласа» отмечают, что лишь небольшое число изоглоссов совпадает со старой границей между вятичами и кривичами, которая, впрочем, представлена только на крайнем западе. Более отчетливо происходит совпадение с границами древнего Рязанского княжества, причем на востоке ясно видны следы колонизационной экспансии, направленной из этого княжества и несшей на восток южнорусские языковые элементы. С северной границей Рязанского княжества совпадают границы таких важных южнорусских явлений, как изменение *g* в *γ* или окончания 3-го лица ед. и мн. числа *-t'*, а не *-t*. Сюда относятся также некоторые лексические и фразеологические изоглоссы, например *песни играть* вместо северного *песни петь*. В районе вятичей распространено, например, *аканье*, хотя трудно предположить, чтобы это явление было здесь исконным и относилось бы ко времени племенного периода.

Сводные карты, так же как и частные, свидетельствуют о большом своеобразии говоров на восток от Рязани, на территории старого финского племени Мещеры. Здесь отсутствует общерусский переход *e > o*, представлен результат выравнивания глагольных основ — ср. формы 1-го лица ед. числа *ход'ю*, *прос'ю*. Для этих говоров характерна также особая передача старого *e* (типа *праўда*, *тражка*, *хпер'от*, *уместе*, *унук*, *удова* и т. д.), замена *j* на *x*, *xv*, произношение *илять*, *итнать* вместо *олять*, *отнать*, формы *ššo*, *ššo* вместо *što* и т. д. Указанные отличия в говоре старой Мещеры авторы «Атласа» приписывают влиянию давно уже русифицированного финского субстрата. Это не исключено, хотя и следует признать, что влияние субстрата было бы довольно сложным. Например, можно предположить, что русифицирование Мещеры произошло до перехода *e* в *o*, а произношение *e* у русифицированных финнов препятствовало переходу его в *o*. Это было бы сохранением архаизма под влиянием иноязычного субстрата. Также в случае с развитием праславянского *v* следует предположить, что русифицирование Мещеры произошло еще в тот период, когда это *v* было билабиальным *w*. Такой тип произношения частично сохранился до наших дней в диалектах старой Мещеры и постепенно привел к тому странному для русского языка произношению старого *v*, о котором мы говорили выше.

Следует, однако, помнить, что совершенно аналогичные явления (типа *праўда*, *h mis't'i*, *x pol'u*, *unuk*, *udova*) встречаем в юго-западных украинских говорах (части лемковских и бойковских), которые до сих пор сохранили билабиальное произношение *v* (*вода*, *трава* и т. д.). Области же Карпат, в которых выступают эти явления, были заселены лишь в XVI в., и поэтому в данном случае трудно говорить о каком бы то ни было субстрате.

Много изоглоссов, по-видимому, совпадает со старой южной границей суздальско-нижегородского княжества. Примерно

здесь проходит граница между типом *запрег* (на север от нее) и типом *запрэг* (дальше на юг), или старым типом в форме 3-го лица мн. числа *ходят* (на севере) и новым типом *ходят* (дальше на юг), или, наконец, между женским типом склонения существительных (*дедушка*) на север от данной границы и сохранением первоначального типа склонения на юг от нее.

Восточная часть данной территории была колонизирована поздно, только после XVI в. На севере колонизация проводилась только носителями севернорусских диалектов, на юге же, к востоку от реки Мокша, сталкивались два потока — северный и южный, что привело к образованию значительной языковой пестроты в этом районе. Иногда, правда, можно путем сравнения изоглоссов предположить, откуда пришли колонисты в ту или иную часть данного района. Поражают, например, общие черты пяти пунктов «Атласа» (703, 705, 737, 740 и 742) с диалектами юго-западной части исследуемой территории, а именно — с диалектами старой Мещеры. Вероятнее всего эти деревни были заселены населением, жившим к востоку от Рязани. Весьма возможно, что более тщательный анализ частных и сводных карт мог бы вскрыть немало подобных фактов по истории колонизации, безусловно важных и для языкознания.

На картах встречаются белые пятна, очевидно чаще всего обозначающие безлюдные леса или болота. В дальнейшем, учитывая прежний опыт, следует давать в атласе и карты с обозначением географических условий исследуемой территории (лесов, болот, рек). Самые крупные белые пятна встречаются на северо-востоке, на востоке и на западе от города Горького (б. Нижний Новгород). Белые пятна на крайнем северо-востоке, видимо, объясняются тем, что здесь большинство составляет перусское население, а русские деревни встречаются редко. Пятна же возле г. Горького, по-видимому, обозначают леса или болота. Не заполнено также пространство от г. Ардатова до нижней границы карты. Пустые территории возле Горького иногда являются границами языковых явлений (например, типа *запрег*/*запрэг*, женского склонения существительных типа *дедушка*, произношение типа *лисница*, *молосяный*), чего нельзя сказать о незаселенных областях на юге.

Распространение цоканья, представленное в «Атласе», опровергает гипотезу Шахматова (что отмечают авторы комментариев) о «ляшском» происхождении этого явления. Совершенно не доказано на территории древних племен вятичей и кривичей, и это явление выступает лишь на территории, ранее занятой финскими племенами. Влияние финского субстрата здесь довольно правдоподобно. Также опровергается старое утверждение, что цоканье является специфически севернорусской чертой. На картах «Атласа» цоканье занимает значительную часть южных и среднерусских говоров.

В общем «Атлас» дал много новых неизвестных фактов и ряд ранее известных показал в новом свете. Так, например, только теперь мы можем с уверенностью утверждать, что существует довольно большая истинно русская территория, на которой не произошло изменения *e* в *o*, до сих пор считавшееся общерусским явлением. В новом свете представляются нам факты появления узких гласных или дифтонгов на месте праславянских *ǣ* и *o* под старой акутовой интонацией. Оказалось неправильным утверждение, что узкие долгие гласные из *ǣ* под акутом являются севернорусской чертой. Очень интересным является открытие типично «мещерских» языковых явлений. Таких интересных фактов, представленных «Атласом», можно было бы назвать очень много.

Несмотря на ошибки, о которых хорошо знают и авторы «Атласа» и которые являются результатом неудачной для языковедения ситуации (марризм), господствовавшей в Советском Союзе в период, когда собирали часть материала для «Атласа», можно смело утверждать, что уже издание первого тома является действительно большим и важным событием. С нетерпением ожидаем появления следующих томов «Атласа» и в первую очередь готовых к печати атласов областей к югу от Москвы, на запад от Москвы и окрестностей Пскова и Новгорода. Материал этих атласов сможет показать нам русские диалекты в совершенно новом свете, разрешит многие проблемы сравнительного славянского языковедения и прежде всего поможет в окончательном решении вопроса о возникновении и формировании русского литературного языка.

Возникает еще одно замечание. Мне кажется, что после издания или хотя бы после подготовки к печати всех десяти томов атласа говоров Европейской части России было бы целесообразно издать единый том общих карт, в которых путем показа изоглоссы бы предельно дифференциация русских диалектов. Такие карты форматом 50 × 50 см могли бы значительно облегчить знакомство с основными результатами работ над атласами русских диалектов.

30. Штибер

Перевела с польского Л. Е. Бокарева

Рецензируемое издание — долгожданная первая публикация атласа русских народных говоров. В составлении «Атласа» принимали участие многие сотрудники Института языковедения (ранее — Института русского языка): Р. И. Аванесов, С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, А. К. Васильева, С. С. Высотский, Л. П. Жуковская, К. Ф. Захарова, О. Н. Мораховская, Е. В. Немченко, В. Г. Орлова. Общая редакция и вступительные статьи принадлежат чл.-кор. АН СССР Р. И. Аванесову.

Как издание в 1915 г. «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» Н. Н. Дуринова, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова составило эпоху в изучении русских говоров, так данное издание

«Атласа» есть следующая эпоха в разработке русской диалектологии. Значение «Атласа» действительно громадно. С одной стороны, вышедшая часть помогает вскрыть прошлое языка Московской области и прилегающих к ней с востока районов, с другой стороны, данный том и следующие за ним тома должны послужить лучшим изучению истории русского языка. «Атлас» — издание в полном смысле коллективное. В подготовке материала в течение ряда лет принимали участие все вузы страны. Материал собирался на основании предварительно разработанной программы.

Техническая сторона издания основных карт не оставляет желать ничего лучшего. Только о сводных картах приходится сказать, что они не вполне «читабельны». Может быть, в показе их лучше было прибегнуть к многокрасочности? Передко полукруглые кружки одного или двух цветов (их значение понятно) в пояснениях к картам почему-то не обозначаются. Отмечу, кстати, что на 118 карте я не нашел знака ⊖.

Выше сказано, что «Атлас» в целом виде — незаменимое по богатству и ценности материала пособие при составлении истории языка. Но и один вышедший том дает материал для разных лингвистических и исторических соображений. Например, картина распространения аканья, данная в томе, как будто свидетельствует о происхождении его на диссимиллятивной базе (карта 8). Есть основания думать, что переходу *e* в *o* как-то образом препятствовало диссимиллятивное аканье (карта 15). Деспричастные формы на *-миш* распространены почти на всей территории тома, но кое-где тут вкраплены формы на *-виш* (карта 166). Можно предполагать, что эти формы на *-виш* и послужили источником для образования форм на *-миш*. Формы вин. падежа ед. числа (прилагательных и под.) на безударное *-я*, очевидно, не первоначальные, а возникли на основе форм на ударяемое *-ја* (карты 120 и 121) и т. д. и т. и. Во все данные «Атласа» дают точное определение распространения той или иной черты, например аканья (карта 8) или *к'* после мягких и шипящих согласных (карта 56) (материал тома вносит уточнение в показания Д. К. Зеленина) и т. д.

В процессе образования Русского государства северновеликорусы постепенно двигались в область южновеликорусского наречия. В «Атласе» имеется любопытные свидетельства этого движения северновеликорусов. Особенно показательна тут лексика. Так, на московской территории по-северновеликорусски известны: *квашня* (не *дежа*, карта 187), *кеси* (не *корци*, карта 188), *суяная* и под. (не *котная* и др., карта 220), *петь песни* (не *играть песни*, карта 231), *брезговать* (не *гребовать*, карта 235), *прятать* (не *хоронить*, карта 236); вовсе не знают здесь *понёвы* (карта 197). Также совсем не знают в московском говоре *кочета* (говорят *петуз*, местами *пеун*, карта 218), или вместо *стежки* говорят *тропа*, *тропинка* и др. (карта 230). Но любопытно, например, что постпози

тивная частица *-от*, типично северновеликорусская, не привилась в московском говоре (карта 182).

На подготовку «Атласа» ушло 7 лет, для его выхода в свет оказалось нужным почти еще столько же, и когда может выйти весь «Атлас» — трудно сказать. Техника издания очень сложна, и потому на периферии томы «Атласа» издаваться не могут. Надо надеяться все же, что, несмотря на все трудности, издание «Атласа» будет доведено до конца.

Обратимся теперь к некоторым критическим замечаниям. «Атлас» составлен с большим размахом. В этом отношении отдельные карты, свидетельствующие об одинаковом явлении, но иллюстрированные различным словесным материалом, могли быть поданы в более компактном виде, будучи сведены к меньшему числу карт. Ср., например, ряд карт о стяжении гласных, о проношении *чи*, о глаголах типа *садить*, *платить* и т. д., об отдельных морфологических явлениях, таких, как твор. падеж ед. числа *ночью* (карта 99; ср. *палкуй*, карта 96), дат. и предл. падеж ед. числа *грязе* (карты 98 и 100) и т. д.

В некоторых случаях карты в собственном смысле излишни: например, переход конечного *г* в *к* или *х* (карта 39). Нужно ли давать слово *калякать* (карта 237)? То же самое касается и слова *медведь* (карта 226): ведь чисто фонетически это слово повсюду могло измениться в *ведмедь*; или *кукушка* (карта 229), которое ассимиляционным процессом везде могло приводить к *кукушка*. Излишне и слово *сундук*, при котором дается *сѣндук*: это слово заимствованное (ср. араб. *сандиқ*), поэтому оно могло получить понаслышке второй вариант. О северновеликорусском слове *кербь* (карта 239), как и глаголах, связанных с процессом *дергания* льна (карта 240), нужны сельскохозяйственные сведения (где сеется самый лен).

В приложениях к картам дана диалектологическая библиография. Хорошо было бы в издании «Атласа» отразить в той или другой форме итоги предшествующей разработки русской диалектологии, в области которой сделано было немало. Такое добавление повысило бы удельный вес «Атласа». Тогда и помещение диалектологической библиографии полностью бы себя оправдало.

В заключение мелкие замечания. Почему на карте 165 приведена форма страдательного причастия прошедшего времени *выдан?* Эта форма, как и аналогичные образования от других глаголов, имеет повсеместное распространение (более редкое в северновеликорусском). Читатель может подумать, что диалектная форма этого типа свойственна лишь сложению данного глагола с префиксом *вы-*.

На карте 190 приводится (от автора) слово в форме *крынка*. Это областная, не литературная форма слова. Даже Даль дает слово в форме *крынка*. У Ушакова в словаре оба варианта. Поэтому оба варианта, не мудрствуя лукаво, дают и в «Орфографическом словаре русского языка» изда-

ния 1956 г. Но большой академический словарь, считаясь с показаниями писателей, правильно приводит слово в одной форме: *крынка*.

Приведу также замеченные опечатки. На карте 4-й (внизу, в пояснениях, строка 2): *оканье* — надо *аканье*; на карте 100-й (внизу, в пояснениях): *к грязе* — надо *в грязе*.

Следует пожелать скорейшего выхода из печати «Атласа русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы» и других частей этой работы большого научного и культурного значения.

С. П. Обнорский

«Труды Института языкознания» [АН СССР]. Т. VIII. — М., Изд-во АН СССР, 1957. 517 стр.

Восьмой том «Трудов», посвященный всецело вопросам древнерусского языка, распадается на два отдела. Первый составляют исследования памятников древней Руси со стороны их палеографии, орфографии и фонетики: Л. П. Жуковская, Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г.); О. А. Князевская, К истории русского языка в северо-восточной Руси в середине XIV в. (Фонетическое и фонетическое описание рукописи Московского евангелия 1358 г.) и Т. Н. Кандаурова, К истории древнерусского диалекта XIV в. (О языке Псковского пролога 1383 г.). В состав второго отдела входят статьи, посвященные синтаксису и морфологии древнерусского языка: В. И. Боровский, Бессоюзные сложные предложения в древнерусских грамотах; С. В. Бромлей, К истории образования форм сравнительной степени в русском языке (История взаимодействия двух типов образования форм сравнительной степени: с суффиксом **-ъьс-* и с суффиксом **-ѣъьс-*) и Н. С. Рыжков, Морфология и семантика именных (отсутствительных) наречий в древнерусских памятниках XI—XIV вв.

Близкие по тематике и структуре первые три статьи начинаются с палеографического описания памятников. Наиболее исчерпывающий палеографический анализ памятника дан в статье Л. П. Жуковской. Поскольку исследуемый Л. П. Жуковской памятник датирован и место написания его известно, целью палеографического его описания было, по словам автора, «проверить свидетельство записи о времени и месте написания рукописи, «возможно более точно установить границы работы отдельных писцов» и «выявить черты, свойственные всем писцам данного списка, для определения в будущем особенностей палеографии и графики рукописей середины XIV в., написанных на территории, примыкающей к Галичу» (стр. 10). Все поставленные автором задачи успешно выполнены. Л. П. Жуковская с большим мастерством и знанием дела исследовала